

РАЗДЕЛ IV

**РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ**

*ББК 71.1:83.3(4)
УДК 82-94:82.091*

*А. В. Петров¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru
М. Л. Скворцова²,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mskvor@mail.ru*

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ СВАДЕБНО-ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА
1720-Х ГГ. ГЛАЗАМИ НЕМЦА (НА МАТЕРИАЛЕ «ДНЕВНИКА
КАМЕР-ЮНКЕРА Ф. В. БЕРХГОЛЬЦА»)**

В статье рассматривается фрагмент «праздничного текста» русской придворной культуры 1720-х гг. – свадьбы русских дворян, описанные в дневнике голштинского дворянина Ф. В. фон Берхгольца. С позиций имагологии раскрывается «идея» праздника бракосочетания в ее связи с древними свадебными ритуалами и новой светской культурой петровской России.

Ключевые слова: Ф. В. фон Берхголец, Петр I, жанр дневника, имагология, свадебный обряд, праздничная культура, карнавал

В июне 1721 г. Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский (1700–1739) по приглашению Петра I приехал в Петербург в качестве жениха одной из царских дочерей (какой именно, государь еще не решил). Молодой герцог, бывший племянником погибшего в 1718 г. Карла XII, являлся претендентом на шведский престол, и значит, через него

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

² Скворцова Мария Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

российский император мог влиять на европейскую политику. 30 августа 1721 г. в г. Ништадте между Россией и Швецией был заключён мирный договор, которым завершилась Северная война. Накануне состоялся мирный договор Швеции с Данией, которая вернула Карлу-Фридриху Гольштейн (немецкое графство), но удержала за собой Шлезвиг (датское герцогство). В ноябре 1724 г. состоялось обручение Карла-Фридриха с цесаревной Анной Петровной, а в мае 1725 г., уже после кончины Петра I, был оформлен брачный союз. С этого времени шлезвиг-гоольштейнская проблема серьёзно осложнила внешнюю политику России.

Вместе с герцогом в Россию приехал гоольштейнский гоф-юнкер (1 сентября 1722 г. он был произведен в камер-юнкеры) *Фридрих Вильгельм фон Берхгольц* (*Friedrich Wilhelm von Bergholtz*) (1699–1765). С апреля 1721 г., ещё за границей, он начал вести дневник (на немецком языке) и писал его до сентября 1725 г. В июле 1727 г. Берхгольц вместе с герцогом, Анной Петровной и двором вернулся в Гольштейн.

Историко-культурное значение «Дневника» было оценено уже в конце XVIII в., когда он был опубликован в одном из немецких журналов (о немецкой журналистике см.: [8; 20]). Его первый издатель, собиратель и любитель древностей Бюшинг отмечал, что «это труд его молодости, когда он был еще далек от скрытности и осторожности, свойственных придворным и государственным людям, и записывал все, что видел и слышал. <...> он очень словоохотлив и вдается в большие подробности <...> особенно несколько более подробное описание празднеств необходимо для полного знакомства с нравами и обычаями тогдашнего времени» (цит. по: [7, I, 2]). На русском языке «Дневник Берхгольца» трижды издавался в XIX – начале XX в. и не так давно, в 2000 году, был переиздан в четвёртый раз.

Как отмечал переводчик дневника И. Ф. Аммон, «главный, почти исключительный предмет его <Берхгольца. – А. П., М. С.> описаний и рассказов – внутренний быт тогдашнего общества (в особенности высшего), его нравы, обычаи, празднества, увеселения и т. п. Находясь постоянно при дворе герцога голштинского, он имел случай видеть вблизи всех замечательных людей того времени, окружавших великаго преобразователя России, и сообщает множество любопытных подробностей, относящихся к их частной, семейной жизни, кроме других интересных сведений, которыми так богаты его ежедневные отметки» [7, 2].

Существует некий стереотип в восприятии у нас западных мемуаристов и их оценок русской действительности. Обычно считается,

что мемуаристы, например, петровской эпохи (обычно это дипломаты) относятся к России как к «варварской» стране [см.: 4, 32–36]. Так вот Берхгольц относится к другому типу наблюдателей. Подчеркнем, что он был доброжелательным и при этом добросовестным, аккуратным и бесхитростным бытописателем, даиэристом (от англ. Diarist – тот, кто ведёт дневник). Берхгольц тщательно фиксировал все значительные события российской государственной и особенно придворной жизни, обращал внимание на быт и нравы жителей Петербурга и Москвы, приводил краткие, но выразительные зарисовки характеров, поведения и взаимоотношений членов царской семьи, вельмож и придворных (о праздничной культуре России XVIII в. см.: [1; 3; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 21; 24]). Некоторые сведения о быте и нравах петровской эпохи содержатся только в его дневнике, т. е. являются уникальными. Например, мы узнаём, что последний и первый дни апреля в России того времени были одинаковы по своим функциям: они были предназначены для розыгрышей и шуток. В дневнике описаны многодневные маскарады, столь любимые Петром I; петровские ассамблеи, на которые должны были являться «все дамы старше 10 лет», если не хотели «подвергнуться тяжкому наказанию». Берхгольц подробно описывает торжество коронации императрицы Екатерины Алексеевны 7 мая 1724 г. и казнь небезызвестного камергера Монса в том же году. Характер праздников имели спуски на воду новых кораблей, неоднократно описанные Берхгольцем. Так, в мае 1723 г. он описал торжества по случаю прибытия в Петербург ботика Петра I – родоначальника русского флота.

Вот как выглядит, например, краткое содержание записей за январь 1722 г.: «Празднование нового года в Кремле. – Образ жизни иностранных купцов в Москве. – Святочные поезды императора. – Игра в короли. – Церемония водосвятия в день св. Крещения. – Соборы Архангельский и Успенский. – Ивановская колокольня и царь-колокол. – Зимнее купанье. – Угощение пленных Шведов. – Молодой граф Головин. – Барон Рённ. – Подполковник Сикье. – Курьёзное пари. – Перепись жен и дочерей иностранных купцов. – Ссора Бассевича с Нарышкиным, состоявшим при герцоге голштинском. – Дом Петра Великого в Преображенской Слободе. – Положение пленных Шведов в России. – Слухи о преобразованиях в Коллегиях. – Смерть подполковника гвардии кн. Голицына. – Император на пожаре и в святочном поезде. – Генерал Кантакузин. – Похороны его. – Церковь при доме кн. Меншикова. – Похороны кн. Голицына. – Бал у Сурланда. – Генерал Вейсбах. – Иллюминация для дома герцога голштинского по случаю празднования нейштатского мира» [6, II, 352–353].

Как видим, среди того, что фиксировал Берхгольц, оказывается несколько праздников: светский календарный *Новый год* [см.: 13], народные *святки (Рождество)*, христианский праздник *Крещения*, *бал* как новомодное светское развлечение, *иллюминация* по поводу значимого внешнеполитического события [см.: 14]. Вообще, та российская действительность, которая предстаёт на страницах «Дневника», имеет ярко выраженный празднично-игровой характер. Это значит, что придворная и в целом дворянская жизнь в столицах не только включала в себя много праздников, но и сама была частично организована по законам праздника и/или игры (см., например: [22]).

В понимании сути праздника, а также праздничного состояния, отношения к миру мы опираемся на идеи М. М. Бахтина. В своей книге о Франсуа Рабле он пишет: «Праздник – первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры». Его «исконная природа» состоит в следующем: «...в праздник двери дома открыты для гостей (в пределе – для всех, для всего мира), в праздник всё изобильнее (праздничная еда, одежда, убранство помещения)», имеют место «праздничные пожелания всех благ», «праздничные тосты, праздничные игры и ряжение, праздничный веселый смех, шутки, танцы и т. п. Праздник не поддается никакому утилитарному осмыслению (как отдых, разрядка и пр.). Праздник как раз и освобождает от всякой утилитарности и практицизма; это – временный выход в утопический мир. Нельзя свести праздник и к определенному ограниченному содержанию (например, к отмечаемому праздником историческому событию), – он вырывается за пределы всякого ограниченного содержания. Нельзя оторвать праздник и от жизни тела, земли, природы, космоса. <...>» [5, 303–304]. Заметим, что М. М. Бахтин имел в виду архаический праздник, характеризовал первичные, сформировавшиеся в древности его качества. К XVIII веку, конечно, некоторые из них либо утратились, либо видоизменились, что нужно учитывать при анализе праздничной культуры петровского времени.

При чтении «Дневника» заметно, что некоторые праздники отмечались в столицах регулярно (например, календарный праздник новолетия), а некоторые имели случайный характер, но отмечались постоянно, часто. К числу таких праздников относится свадьба (см. об этом: [10; 11; 15; 16]). Редкий месяц в записях Берхгольца остаётся без описания или хотя бы без упоминания о свадьбах, которые игрались в столицах и на которых очень часто присутствовал сам император Пётр I. Пунктиром через весь дневник проходит мотив брака герцога и одной из царских дочерей (замечания Берхгольца и Карла-Фридриха, разговоры Екатерины I и Петра I, упоминания о цесаревнах Анне и Елизавете). Конечно, бракосочетание

Карла-Фридриха и Анны Петровны 21 мая 1725 г., т. е. главная цель поездки герцога и его двора в Россию, описано особенно подробно. Этим описанием, в сущности, дневник и завершается (в нём есть ещё несколько записей от августа 1725 г.). По нашим подсчётам, на страницах «Дневника» представлено не менее 15 подробных описаний свадеб русских дворян, европейских купцов, некоторых не столь значимых фигур и чуть меньше – упоминаний о чьих-либо свадьбах. Можно даже сказать, что сознание Берхгольца и его господина как бы заранее было настроено на праздник (свадьбу), т. е. было «праздничным».

Таким образом, в данной статье нас будет интересовать *свадьба как феномен праздничной придворной культуры в России первой четверти XVIII века*. В ходе исследования этого феномена мы поставили перед собой следующие задачи:

1) определить место, которое свадебные церемонии занимали в праздничной культуре императорской России этого времени;

2) выявить своеобразие взгляда иностранца (немца) на это явление русской светской жизни;

3) рассмотреть основные ритуалы, из которых складывался свадебный обряд в среде русских дворян петровской эпохи.

В связи с немалым количеством описаний свадеб в дневнике Берхгольца мы рассмотрим подробно лишь несколько свадеб 1721 г. и частично привлечём материал из записей последующих лет.

Первой подробно описанной Берхгольцем свадьбой была небезызвестная свадьба главы Всешутейшего Собора князя-папы Петра Ивановича Бутурлина со вдовой предыдущего князя-папы Анной Еремеевной Зотовой. Она была сыграна 10 сентября 1721 г., в первый день семидневного маскарада, которым Пётр I отмечал заключение Ништадтского мира (мир России со Швецией, заключённый 30 августа 1721 г.). Шутовское действо – свадьба очень немолодых уже жениха и невесты – оказалось приурочено к мирным торжествам, к важнейшему для России политическому событию.

Исследовательница Е. Погосян считает, что и маскарад и свадьба были «во многом посвящены теме “небывалого” или “невероятного”» [18], что, по-видимому, должно было подчеркнуть новое «небывалое» явление в истории – явление России на мировой политической арене и явление нового жизненного порядка в самой некогда «варварской» России.

К маскараду и свадьбе 1721 г. вполне применимы наблюдения, сделанные М. М. Бахтиным над народной карнавальской культурой и связанные с принципом «новизны». Как показал исследователь,

важной функцией карнавала было показать победу будущего над прошлым, подчеркнуть главенство в жизни «момента становления-роста», «смерти-обновления», неизбежность рождения нового и лучшего и неизбежность гибели старого, худшего [5, 282]. Непосредственно об эпохе Петра I М. М. Бахтин пишет, что император широко культивировал «праздник дурака» (именно к этому типу праздника относится свадьба князь-папы), «новое внедрялось в жизнь первоначально в “потешном” наряде; в ходе реформ ряд моментов их переплетался с элементами почти шутовского travestирования и развенчания (стрижки бород, европейское платье, политес)» [5, 298].

Обратимся к самому «сценарию» шутовской свадьбы, как он был увиден Берхгольцем. Пока в городе палили из пушек и около 1000 масок съезжались на «сборное место», «их величества, его высочество и знатнейшие из вельмож находились у обедни в Троицкой церкви, где совершилось и бракосочетание князя-папы, которого венчали в полном его костюме» [7, I, 116]. После выхода из церкви сам царь, который представлял корабельного барабанщика, ударил в барабан, и «все маски разом сбросили плащи, и площадь запестрела разнообразнейшими костюмами» [7, I, 116]. Берхгольц отмечает, что самые странные костюмы были у князь-папы (т. е. у только что по-настоящему обвенчанного в церкви жениха – вот пример travestирования «по Бахтину») и у коллегии кардиналов. Мемуарист называет их «величайшими и развратнейшими пьяницами» и объясняет, что царь, учреждая Всешутейший Собор, хотел высмеять «порок пьянства» [7, I, 118]. Правда затем Берхгольц приводит и другую точку зрения, обнаруживая в этом установлении Петра I как раз карнавальное начало: «думают, что царь насмехается над папою и его кардиналами» [7, I, 118], т. е. над католичеством и вообще над духовенством. Здесь мы видим также, как проявляет себя важнейшая для петровских реформ идея абсолютизма, светской власти, подчиняющей себе власть духовную. Забегая вперед, следует сказать, что свадьбы начала 1720-х гг., в описании Берхгольца, предстают как вполне светские мероприятия, подобные тем же ассамблеям, на которых нужно было строго соблюдать некие, отнюдь не церковные, ритуалы и веселиться лицам обоих полов.

«Маски» гуляли по площади часа два при стечении «тысяч народа», и таким образом разыгрывалась *церемония шествия*, обязательная, как отмечают исследователи праздничной культуры XVIII в., для таких крупных церемоний, как коронация и бракосочетание [9, 17–21, 65]. Затем все маски «отправились в здания Сената и Коллегий, где за множеством приготовленных

столов князь-папа должен был угощать их свадебным обедом» [7, I, 120]. Обед был второй значимой частью указанных выше церемоний царского двора [9, 21–23, 65]. Здесь важно отметить, что, во-первых, свадебный пир был устроен в самом «святом» для новой государственности месте, где принимались законы и решались судьбы страны, и, во-вторых, свадебный поезд полностью состоял из ряженных, т. е. одетых в маскарадные костюмы.

Пародийно-гравестийному переосмыслению подверглись традиционные для дворянских свадеб того времени украшения мест, где сидели новобрачные. Вместо свадебного венка «над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой, которую тот цедил в свой стакан и пил». Одну из ролей свадебного «тысяцкого» (распорядителя) взял на себя человек в костюме Бахуса: в продолжение всего свадебного обеда он сидел у стола «верхом на винной бочке и громко принуждал пить папу и кардиналов <...> причём они постоянно должны были отвечать ему» [7, I, 120]. Не только для этой, но и для всех описанных Берхгольцем свадеб петровского времени была характерной установка на всеобщее пьянство в совершенно неумеренных количествах. Оно становилось своеобразным свадебным ритуалом (см. также: [23]).

Следующим этапом свадьбы были танцы, или бал [см.: 9, 28 31, 65]. В данном случае Берхгольц упоминает о них мельком («После обеда сначала танцевали <...>»), но, как мы увидим из описаний других свадеб, танцы, причём европейские, являлись обязательной и очень важной частью новой свадебной обрядности. О каких-либо танцах во время свадеб древнерусских князей и царей сведений не сохранилось (см., например: [19]). Затем камер-юнкер отмечает: «<...> потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу», причём жених в особенности был «невообразимо пьян» [7, I, 120]. (В последующих записях Берхгольц постоянно будет подчёркивать, что напивать жениха до невменяемости в первый день было обычаем на столичных дворянских свадьбах.) Брачная комната находилась в большой деревянной пирамиде, стоящей перед домом Сената, и таким образом, самое интимное в жизни новобрачных, их личная жизнь оказывались выставлены на всеобщее обозрение, на посмеяние, становились публичными. Это также отвечает «карнавальному» отношению к действительности и к брачному обряду [см.: 5, 265–266, 291–292].

Кстати, пирамида эта была поставлена на Троицкой площади ещё год назад, в память о взятии князем Голицыным четырех шведских фрегатов в битве при Гренгаме, и знаменовала торжество

русского оружия. Это было последнее крупное сражение в Северной войне. Объяснить, почему эмблема военного триумфа России была переоборудована под сеник, т. е. спальню для новобранцев, вне рамок «карнавальной» традиции трудно.

Внутри пирамида была освещена свечами, а ложе молодых было обложено хмелем и обставлено «кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой» [7, I, 120]. Перед нами традиционные атрибуты праздничного убранства спальни новобранцев. Как и следующий, они обращены к важнейшей для свадебного обряда идее продолжения рода, плодородия: «В постели новобранцев, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium* (для мужа, женского, для жены, мужского), и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которых можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении» [7, I, 120]. Всё тайное становится явным – такой смысл тоже можно увидеть в этих деталях, описанных Берхгольцем. Сам мемуарист не даёт каких-либо комментариев и спокойно переходит к описанию конца дня 10 сентября: «Вечером все дома в городе были иллюминированы, и царь приказал, чтоб это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны реки царские дворец и сад» [7, I, 120].

Свадьба продолжилась на следующий день. Здесь важно отметить несколько моментов. Так, ритуальный характер носили три эпизода: 1) в дверях своего дома князь-папа «по своему обычаю, благословлял гостей (по способу Русского духовенства), давая таким образом в одно и то же время и папское, и патриаршее свое благословение»; 2) затем «всякий, прежде чем проходил далее, выпивал при входе по деревянной ложке водки из большой чаши, потом поздравлял папу и целовался с ним»; 3) после молодые вместе с процессией масок обошли два раза вокруг пирамиды и под музыку и пушечную пальбу переехали «на другую сторону реки, в Почтовый дом, назначенный для угощения» [7, I, 120–121].

Князь-папа и кардиналы переправлялись через Неву на специальных шутовских плотках, сделанных из пустых бочек. При этом они беспрестанно трубили в коровьи рога. В котле с пивом «плавал князь-папа в большой деревянной чаше, как в лодке, так что видна была почти одна только его голова». Свадебной атрибутики уже не было, зато имелись эмблемы, символизировавшие морскую стихию и винопитие: «Впереди всей машины красовалось большое, вырезное из дерева, морское чудовище, и на нем сидел верхом являвшийся на маскараде Нептун с своим трезубцем, которым

он повертывал иногда князя-папу в его котле. Сзади на борту котла, на особой бочке, сидел Бахус и безпрестанно черпал пиво, в котором плавал папа, не мало сердившийся на обоих своих соседей». После того как князь-папу нарочно окунули в пиво, все «маски отправились в Почтовый дом, где пили и пировали до позднего вечера» [7, I, 121].

Второй свадьбой, которую подробно описывает Берхгольц, была свадьба Платона Ивановича Мусина-Пушкина и Марьи Петровны Черкасской (29–30 сентября 1721 г.). На свадьбе присутствовал царь, который, как следует из записей Берхгольца, вообще стремился побывать на всех свадьбах, которые игрались в Петербурге, причём обычно он брал на себя роль *посаженого отца жениха*. И. П. Сахаров, известный фольклорист XIX в., пишет об этом свадебном чине так: «Это лицо заседало за столом в большом месте, и, как старшее по своему званию, занимало место отца новобрачных. На свадьбах Удельных Князей посаженными отцами бывали Великие Князья и Цари. <...> Обязанность посаженнаго отца состояла: быть при женихе, когда он входил в столовую избу; потом, когда получали известие о прибытии невесты в палату, отправлялся от имени жениха к невесте, в сопровождении бояр. Входя передовым в палату, посаженный отец молился пред Св. иконами на все четыре стороны, бил челом невесте, садился за стол в большее место, и указывал места боярам, с ним пришедшим. <...>» [19, 9]. Посажённый отец был вторым лицом среди свадебных «чинов» после *тысяцкого*, а по-европейски – *маршала*.

Берхгольц особое внимание обращает на те церемонии, которые сопровождали свадьбу. Так, всех гостей встречали «у кареты, при звуках труб, маршал свадьбы (подполковник князь Голицын) с жезлом и все шаферы», потом у входных дверей их встречал жених и провожал в комнаты. Жениху и мужчинам полагался свой стол, невесте и дамам – свой (единственным мужчиной за дамским столом мог быть дружка). «Невеста и жених сидели под балдахинами. Балдахин невесты был украшен венками из цветов, которые висели над нею и над местами *подруг невесты* (Brautjungfer), и кистью из лент над местом *дружки* (Vorschneider). Под другим балдахином, над головою жениха, висел также венок, потому что он вступал в первый брак; в противном случае над ним спускалась бы только кисть из разноцветных лент» [7, I, 125]. Берхгольц здесь, как и во всех описаниях свадеб, подробно перечисляет, какие свадебные «чины» и в каком порядке сидели за столами. Мемуарист дотошно отмечает, что «в первый день свадьбы на первых местах сидят родственники невесты, а во второй родственники жениха». Мимходом мы узнаём любопытную деталь: обычно царица выполняла

функции *посаженой матери жениха*, но сегодня её не было, т. к. она плохо себя чувствовала «по случаю преждевременного разрешения от бремени» [7, I, 125].

Как правило, Берхгольц всегда указывает, присутствовали ли на свадьбе иностранные министры, из чего можно заключить, что свадьбам придавалось политическое значение. Возможно, иностранцам демонстрировалось, как быстро Россия приобщается к европейскому «политесу». Наблюдательный камер-юнкер не забывает упомянуть о такой незначительной, казалось бы, детали, как та, что знаками должностей маршала и шафера служат банты на рукава: маршал и дружка носят их на правой, а шаферы – на левой руке. Шаферов было 12, все они были капитанами и поручиками гвардии. Когда уже все сели, маршал и шаферы вывели двух подруг невесты и дружку.

По окончании этой церемонии «маршал подал своим железом знак к молитве», и только тогда «гости приступили к обеду, потому что до молитвы никто не может даже развернуть своей салфетки». «Вслед за тем подали по рюмке водки – маршал жениху, невесте и родственникам, а шаферы, разделенные по столам, всем прочим гостям» [7, I, 126]. Отметим, что религиозная составляющая свадебного обряда (христианская молитва) оказывается в светском празднике сохранена.

Следующим этапом брачной церемонии являлись *церемониальные тосты*, которые провозглашал маршал. Сперва он сам должен был пить с шаферами и только потом подавать с ними стаканы жениху, невесте, родственникам и всем остальным. Маршал и шаферы «должны строго наблюдать, чтобы все стаканы наливались одинаково полно и были одинаковой величины; для дам однакож подаются стаканы поменьше и наливаются не так полно» [7, I, 126].

Берхгольц подробно описывает последовательность тостов. Впоследствии он этого делать уже не будет, ссылаясь на первые свои записи. Первый тост он назвал «совершенно особенным в своем роде», т. е., по-видимому, не принятым на Западе: это был тост «во славу Божию». Возможно также, что Берхгольца удивила такая религиозность русских, особенно после того как он был свидетелем свадьбы князь-папы и других «кошунственных» мероприятий Петра I. Второй тост был «за здоровье жениха и невесты, третий – посаженных отцов и матерей, четвертый – сестер и братьев, пятый – дружки и подруг невесты, шестой – всех гостей, и наконец седьмой – за здоровье маршала и шаферов». Этот последний тост «начинают жених и невеста, и тогда маршал и шаферы не разносят стаканов,

а стоят все вместе и благодарят». «Те, за чье здоровье пьют, должны также стоять до тех пор, пока все стаканы не будут опорожнены, и благодарить», причём каждый раз «раздаются звуки труб» [7, I, 126].

Весьма интересно, что в число «обычных» тостов не входили тосты за здоровье царской фамилии. Берхгольц замечает, что их и некоторые другие тосты произносят, но не всегда и что зависит это от маршала и от того, «хочет ли он мало или много поить гостей и в особенности жениха (которому и без того все стаканы наливаются полнее, чем другим)» [7, I, 127].

Обед кончается только тогда, когда маршал провозгласит «пора вставать», а «до этого никто не смеет встать из-за стола». Здесь начинается новый свадебный ритуал – *танцы*, которые делятся на церемониальные и более свободные. Из комнат выносят столы, и начинаются «церемониальные танцы»: в определённом порядке участники свадьбы танцуют *польский*, т. е. полонез, который предполагал медленное торжественное шествие танцующих. Начал его маршал с невестой, жених же танцевал с невестой только в третьей очереди. Во время всех этих танцев маршал должен был с жезлом в руке танцевать один впереди. После церемониальных танцев все получают «свободу танцовать», т. е. кавалеры могут приглашать любых дам. В этот раз герцог Голштинский танцевал с невестой (М. П. Черкасской) менуэт.

Церемониальным танцем (маршал впереди, за ним жених и невеста, потом все родственники и «многие посторонние») первый день свадьбы завершился около 11 часов. Вся процессия, «сделав несколько туров, с музыкою и в сопровождении шаферов, также с зажженными небольшими восковыми факелами, отправились в спальню невесты, где всех угощали сластями» [7, I, 127]. Там за особым столом жениха поят окончательно допьяна. Из неженатых в спальню никто не входит.

На второй день свадьбы, 30 сентября, Их Величеств не было, поэтому гости тотчас по приезде герцога сели за стол. Родственники жениха и невесты менялись местами, первые сели по левой стороне, «чтобы показать первенство молодого, который занял место уже за дамским столом, по правую сторону своей жены». Берхгольц отмечает, что почти все церемонии, как за столом, так и во время танцев, были те же, что и вчера. Новыми были следующие церемонии: молодого ввели подруги невесты, он сорвал висевший над новобрачною венки, подержал его над нею, потом, поцеловав ее, передал венки одному из шаферов. В этот день не было также завершающего шествия в спальню невесты. Берхгольц не забывает упомянуть, что герцог Карл-Фридрих

оставался на свадьбе до конца, т. е. почти до 12 часов, и, «навеселившись и натапцовавшись вдоволь, отправился домой» [7, I, 127–128].

Третья свадьба, на которой присутствовал Берхгольц, была свадьбой князя Ивана Аникитича Репнина (сына фельдмаршала Репнина) и княжны Марфы Яковлевны Лобановой-Ростовской. Она была сыграна 1 ноября 1721 г. Приезду герцога Голштинского на свадьбу предшествовало официальное приглашение 30 октября двумя шаферами, капитанами гвардии: «Герцог, по здешнему обычаю, выпил перед ними бокал вина за здоровье невесты и жениха, после чего они пили за здоровье его высочества» [7, I, 142].

Берхгольц пишет уже об «обыкновенных свадебных церемониях». К ним относятся встреча гостей свадьбы маршалом и шаферами под звуки труб; рассаживание за столами «по чину»; выход 12 шаферов с розовыми бантами на левой руке и маршала с бантом на правой, подруг невесты (Brautjungfer) – графини Головкиной и княжны Щербатовой, а также дружки (Vorschneider). В этот раз Берхгольц подробнее описывает действия дружки, которым был опытный в этом деле камер-юнкер Балк: «Подойдя к столу, он прежде всего низко поклонился государыне, потом невесте и наконец всему обществу. Княжна Щербатова привязала ему бант на правую руку, а другая его соседка, к которой ему также следовало обратиться, расправила немного ленты. По окончании этой церемонии он с живостью поцеловал сидевшую у него с правой стороны (т. е. княжну Щербатову); но ту, которая сидела с левой, ему не удалось сразу хорошо поцеловать, и он обратился к императрице с печальным лицом, как бы жалуясь на свое горе. Ея величество сделала ему знак, что дело можно поправить; тогда он в другой раз поцеловал графиню Головкину и уж в самую губы» [7, I, 143]. Здесь мы видим элемент куртуазной игры, причём разрешает эту «игру в поцелуи» монархиня.

Как всегда, жених и невеста сидели под балдахинами. За столом жениха было около 40 человек. Балдахин жениха был обит «красным бархатом и золотыми галунами, из-под котораго висел над головою молодого зеленый венок, в знак того, что он прежде не был женат. По правую его руку сидел князь Меншиков, как посаженный отец невесты (Brautvater), а по левую император, как посаженный отец жениха (Bräutigamsvater)». Под балдахинем невесты «висели три венка из цветов, один над нею, а два другие над обеими ея подругами, и сверх того, над головою дружки, сидевшаго между последними, несколько широких белых и красных лент длиною около полуаршина. По правую сторону невесты сидела княгиня Меншикова, как посаженная мать жениха, а по левую императрица, как посаженная

мать невесты». Интересно, что за мужским столом сидели, за исключением ближайших к жениху лиц, «как кому пришлось», а за дамским – «по чинам» [7, I, 143].

«Обыкновенными», говорит Берхгольц, были и тосты, которые провозглашались при звуках труб маршалом и шаферами после того, как отец невесты «обошел всех с водкою». Однако первые два тоста были всё же не совсем обычными: «первый – привет всему обществу (Willkommen)», а по поводу второго – «за здоровье семейства Ивана Михайловича» <Головина. – А. П., М. С.>, мемуарист признался: «зачем, не знаю» [7, I, 144]. Это был известный тост за «*здравие деток Головина*», т. е. кораблей русского флота. Перед нами ещё один пример того, что столь частное событие, как свадьба, имело при Петре I политизированный характер.

После этого «маршал подошел к императору и спросил, не угодно ли ему будет назначить еще какие-нибудь тосты; но его величество сделал головою отрицательный знак, и тот, ударив несколько раз железом, провозгласил, что пора вставать из-за стола, что все немедленно и исполнили». Здесь Берхгольц даёт краткую, но выразительную характеристику жениха: во все время обеда он «сидел на вытяжку и с печальным лицом, одетый весьма просто: на нем был плохой серый кафтан с серебряными пуговицами, обшитый очень узким галуном, и незавидный парик, из под которого почти на палец торчали волосы» [7, I, 144].

Начались танцы, их открыли маршал с невестой и два шафера с посаженными матерями жениха и невесты. Берхгольц подробно перечисляет, кто с кем должен был танцевать, и замечает: «Весело было смотреть на этот танец: жених и невеста собственно не танцевали, а тащили друг друга как сонные, переваливаясь с ноги на ногу; напротив, государь и государыня исполняли все па, как самые молодые люди, и делали по три круга, пока те едва оканчивали один. Государыня, впрочем, танцует так только с государем; с другими же она просто ходит» [7, I, 145].

Такое поведение монаршей четы было объяснено американским исследователем Р. С. Уортманом. Описывая свадьбу Петра и Екатерины в 1712 г., он отмечает: «На ассамблее Петр и Екатерина вместе давали пример аристократического поведения. Они увлеченно и неутомимо танцевали, даже тогда, когда их преданные слуги уже падали в изнеможении. Екатерина танцевала и с другими, но делала это небрежно, явно показывая свою верность. Она явилась как творение Петра, его Галатея, представлявшая новую европейскую женщину, ее внешность, веселость, шарм. Она была изысканно одета,

в отличие от Петра, явившегося в своем обычном простом платье. <...>» [21, 90–91]. Берхгольц не раз отмечал простоту наряда царя и изысканность и богатство одежды и украшений царицы. Современный исследователь разъяснил смысл такого контраста.

Впервые Берхгольц подробно описывает сами церемониальные танцы – с реверансами зрителям и медленным хождением пар по кругу. Всего было шесть церемониальных танцев, после чего «маршал ударил несколько раз своим жезлом и провозгласил, что теперь предоставляется танцевать всем и каждому» [7, I, 145]. Начали танцевать польский, герцог Карл-Фридрих пригласил Екатерину I, которая «охотно согласилась». Затем герцог Голштинский танцевал менуэты с графиней Головкиной, невестой и англезы с другими дамами. Невеста танцевала «весьма неловко: казалось, она боялась потерять что-нибудь из своих украшений, и потому постоянно держалась очень прямо. На голове у нея было что-то в роде короны и еще много драгоценных камней, которые при свечах ярко горели и очень шли к ней, потому что она брюнетка и довольно бела лицом». Берхгольц отмечает, что «Ея величество императрица была одета необыкновенно великолепно; но особенно был хорош головной ея убор, в котором сияла императорская корона» [7, I, 145–146]. Это примечательная деталь в «сценарии власти» (Р. С. Уортман): присутствие на свадьбе императрицы, одетой едва ли не лучше, чем невеста, и со знаками высшей власти (см. также: [12]).

Всё это время император не танцевал, но сидел недалеко от входных дверей, так, что мог видеть танцевавших; «около него сидели все вельможи». Тоже любопытная деталь: вельможам, может быть, и хотелось повеселиться, но отойти от властителя они не смели, а тот спокойно предоставлял своей жене возможность повеселиться.

«В 8 часов государыня подошла к государю и, лаская, поцеловала его несколько раз в лоб. Его величество встал, и затем тотчас начался обыкновенный прощальный танец» [7, I, 146]. Здесь важны два момента. Первый: монаршая чета демонстрирует всем свои идеальные супружеские отношения. Второй: понятно, кто всё-таки был главным на свадьбе.

Из описаний других свадеб выберем ещё несколько моментов, характеризующих прежде всего поведение Петра I.

Так, из описания свадьбы Ю. Ю. Трубецкого мы узнаём, что император был в очень хорошем расположении духа и потому передразнивал какого-то графа, который во время танцев делал «сильныя движения руками и всем телом» [7, I, 159]. Сам веселящийся Пётр I во время танцев делал «каприоли» (прыжки) обеими ногами.

Забавляясь, он пожелал, чтобы старики танцевали с молодыми дамами, но «так как старики сначала путались и танец поэтому всякий раз должно было начинать снова, то государь сказал наконец, что выучит их весьма скоро, и затем, протанцовав им его, объявил, что если кто теперь собьется, тот выпьет большой штрафный стакан. Тогда дело пошло отлично на лад <...>» [7, I, 160]. Такие шутки над стариками практиковались Их Величествами достаточно часто. На свадьбе майора Матюшкина император заставил их протанцевать несколько танцев подряд, и сам танцевал с императрицей до тех пор, «пока почтенные старцы едва могли передвигать ноги» [7, I, 164].

Из «Дневника» мы узнаём также, что комнаты в петербургских домах были тесные, и потому танцевавшим было хорошо слышно, о чём говорят другие танцующие; что на свадьбах очень часто практиковались штрафы в виде огромных бокалов со спиртным; что сами поводы к штрафу зачастую были надуманными, шуточными, но от бокала отказаться было нельзя ни под каким видом (см. также: [23]).

Так, на немецкой купеческой свадьбе девицы Гопман и купца Любша Берхгольц и тайный советник Бассевич, поздравляя жениха и невесту, «по неведению, нарушили здешний обычай, по которому их следовало при том поцеловать; поэтому к нам тотчас подошли маршал с своим жезлом и один из шаферов с огромным бокалом, какого я отроду не видывал». Бассевич «недолго отговаривался и преспокойно выпил все», Берхгольц же «употреблял все возможные уловки, чтоб избавиться от такого стакана или, по крайней мере, получить несколько менее, чем тайный советник, уверяя, что не могу много выносить вина и что если выпью его такое количество, не буду стоять на ногах; все это однако было напрасно, и я, волей-неволей, должен был последовать примеру моего дяди, хотя мы далеко не равные питухи. Впрочем, и все приехавшие после нас, как наши придворные, так и купцы, без исключения, должны были выпить по такому же стакану, не смотря ни на какие сопротивления» [7, II, 89].

На свадьбе графа М. Г. Головкина Петру I захотелось напоить допьяна некоторых гостей, «и он начал сперва провозглашать разные веселые тосты, а потом являться с штрафными стаканами, которые одних заставлял выпивать за то, что они не довольно усердно танцевали, других за то, что мало оказывали почтения князю-кесарю и въезжали к нему на двор на лошадях и в экипажах, когда известно, что к такому знатному лицу неприлично въезжать на двор» [7, II, 129]. На этой свадьбе император исполнял должность маршала, и исполнял, замечает Берхгольц, «превосходно»: «При тостах император, как маршал, собственноручно подавал бокалы с вином свадебным чинам, его

королевскому высочеству и некоторым из иностранных министров. Прочим подносили их шаферы» [7, II, 126]. На второй день император «снова все время сам прислуживал за столом». Когда вечером зажигали фейерверк, Петр I, который очень любил фейерверки, сам всем распоряжался и помогал «своими руками». Из других наблюдений мемуариста примечательно, например, такое: «Когда императрица приказала своему камер-юнкеру отнести ему <императору. – А. П., М. С.> молодого жареного голубя, он отошел к буфету и начал кушать с большим аппетитом, стоя и прямо из рук» [7, II, 126].

Таких наблюдений и интересных деталей в «Дневнике» Берхгольца великое множество. Они помогают увидеть праздничную придворную культуру в России 1720-х гг. с разных, иногда неожиданных сторон и требуют дальнейшего внимательного изучения.

Перейдём к выводам.

1. Петербургские и московские свадьбы 1-й половины 1720-х гг., причём как русских дворян, так и иностранцев, были публичными мероприятиями и могли иметь скрытые сейчас от нас политические подтексты. На них принято было приглашать царскую фамилию, высокопоставленных лиц и иностранных послов (министров), хотя это, конечно, зависело от достатка жениха и невесты. При небольшом тогда числе жителей двух столиц это, во-первых, способствовало корпоративному единению дворянского класса, во-вторых, непосредственно вовлекало в жизнь Российской империи европейские дворы в лице их дипломатических представителей.

2. Сам российский император очень любил посещать свадьбы вне зависимости от статуса, профессии и национальности брачующихся. Обычно он приезжал с женой, императрицей Екатериной I, но мог заехать и один, без предупреждения (например, на свадьбу немецких ремесленников или голландских купцов). У Петра I была любимая «должность» на свадьбе, свадебный «чин», о чём всем было известно. Это «чин» посажёного отца жениха – второй по значимости после «маршала». Отчасти эта традиция была унаследована от брачно-свадебных традиций Древней Руси. Но если в средние века царь или великий князь, беря на себя эту роль, подчёркивал тем самым статус жениха, своё к нему расположение, то при Петре I происходит уравнивание старой знати и нового дворянства друг по отношению к другу и по отношению к монарху. Несомненно, что таким образом Пётр I формировал лично преданное ему сословие: трудно что-нибудь замышлять против того, кто был посажёным отцом на твоей свадьбе.

3. Повышенный интерес императора к свадьбам и вообще к праздникам и церемониям имеет, помимо личной склонности

к увеселениям, и более глубокие психологические и культурно-исторические причины. Известно, что Пётр I был всегда очень загружен государственными делами. Закономерно, что и праздникам он, может быть невольно, придавал общественно-политическое звучание. Несомненно, однако, и то, что праздники, как «перерывы» от дел государственных, давали монарху возможность ощутить себя вне давления властных обязанностей в сфере частной, не столь регламентированной [см.: 12]. О «шутовских» мероприятиях Петра I существует большая научная литература. Свадьбы тоже могут быть отнесены к той «карнавальной» культуре, ставящей всё с ног на голову, которую так любил российский император.

4. Частью этого «карнавала», который разыгрывали Пётр I и его подданные на свадьбах, был своеобразный демократизм: гость мог потанцевать с императрицей или сам царь мог обслужить его, поднеся бокал с вином. Посещение русским царём свадьбы немецкого булочника (5 ноября 1724 г.) тоже чего-то стоило. Суть этих игр в демократизм заключалась, в частности, в следующем: все равны перед высшей властью, и сама власть может снизойти до любого из подданных, например вторгнуться в самое интимное в его жизни – семью, брак, любовь (см. также: [2]). Политика «открытости» (О. Г. Агеева) при Петре I проявляла себя и так, хотя все должны были играть и развлекаться «по правилам», придуманным царём.

5. Свадьба как общественно-политическое мероприятие давала монарху возможность продемонстрировать всем желающим и свою супругу, т. е. новое место женщины в русской жизни, новый тип семейных отношений, а также дать молодожёнам и всем остальным образец супружеского поведения – куртуазии «по-русски».

6. Свадебные церемонии, как они описаны немцем Берхгольцем, являют собой новый, европейский тип развлечений дворянского сословия и совместного времяпрепровождения полов. В той части, которая касалась танцев, бала, свадьба мало чем отличалась от других церемоний петровского двора: коронации, дня рождения, ассамблеи. Танцы обязательно были европейскими: полонез (Польша), англес (Англия), менуэт (Франция); иногда Петр I танцевал Kettentanz (Германия). Таким образом, начало семейной жизни русского дворянина включало в себя приобщение к западноевропейской придворно-праздничной культуре.

7. Иногда исследователи пишут о том, что «свадьбы при Петре в придворной среде стилизовались под старинный русский обряд». В качестве примера Н. А. Огаркова указывает на свадьбу графа Мусина-Пушкина, ссылаясь на народные именованья свадебных

«чинов» (посажёные отцы и матери, дружка, шафер и др.) [9, 67]. Однако мы видим, что Берхгольц приводит соответствующие немецкие свадебные «термины» – наименования «чинов» (Vorschneider, Brautjungfer, Brautvater, Bräutigamsvater, Braut- und Bräutigams-Schwester). Иными словами, «русского» в этих свадьбах было не очень много, поскольку оно, это «русское», являлось на тот момент неактуальным и даже ещё «не опознанным» как культурный феномен. Русские народные песни, женская простонародная одежда и пр. войдут в моду в высшем обществе только к концу XVIII в.

Народные свадебные традиции представлены в записях Берхгольца, пожалуй, только в аспекте так называемой «карнавальной культуры», например, в случае со свадьбой князь-папы. Но и эти традиции носили в основном импортный характер («праздник дурака», «маскарад»). Кстати, этот эпизод празднично-свадебной культуры императорской России лишний раз свидетельствует о значимости для Петра I массовой и наглядной политической агитации. Заключение мира, военная победа должны были отложиться в памяти подданных, и «шутовская» свадьба этому очень способствовала.

8. С немецкой педантичностью и редко встречающейся даже у европейцев непредвзятостью камер-юнкер фон Берхгольц изо дня в день описывает быт, нравы, праздники и развлечения русского столичного дворянства. Ему интересно всё, и не только придворная жизнь. Благодаря его наблюдательности и объективности русская культура имеет возможность больше узнать о самой себе. Взгляд со стороны в данном случае оказался если и не взглядом друга, то доброжелательного наблюдателя.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина» / Т. Е. Абрамзон. – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.
2. Абрамзон, Т. Е., Зайцева, Т. Б., Рудакова, С. В. Романтическая концепция красоты в рассказе Чехова «Красавицы» / Т. Е. Абрамзон, Т. Б. Зайцева, С. В. Рудакова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 2 (52). – С. 343–355.
3. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. Одические версии «Общественного договора» в России XVIII в. / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров // Quaestio Rossica. – Vol. 5. – 2017. – № 2. – С. 406–424.
4. Агеева, О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – Град Святого Петра (Петербург в русском общественном

сознании начала XVIII века) / О. Г. Агеева. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 344 с.

5. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

6. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год / Ф. В. Берхгольц; пер. с нем. И. Аммона. Ч. 1–4. – Изд. 2-е. – М.: В Типографии Каткова и К^о, 1858–1860.

7. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725 / Ф. В. Берхгольц; пер. с нем. И. Ф. Аммона. Ч. 1–4. – [Изд. 3-е]. – М.: В Университетской типографии, на Страстном бульваре, 1902–1903.

8. Колесникова, О. Ю., Скворцова, М. Л., Харитонов, С. В. У истоков бюргерской культуры: моралистические еженедельники И. К. Готшета / О. Ю. Колесникова, М. Л. Скворцова, С. В. Харитонов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 4 (50). – С. 248–253.

9. Огаркова, Н. А. Церемонии, празднества, музыка русского двора (XVIII – начало XIX века) / Н. А. Огаркова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 348 с.

10. Петров, А. В. «Династический брак» как концепт в эпиталамических одах 1745 г. М. В. Ломоносова и И. К. Голенинского / А. В. Петров // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: международный сб. науч. статей. – Магнитогорск: МаГУ, 2011. – Вып. III. – С. 11–17.

11. Петров, А. В. Из истории маргинальных жанров в русской поэзии XVIII века (эпические стихи, эпиталама, баллада): Учеб. пособие / А. В. Петров. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2012. – 138 с.

12. Петров, А. В. Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д. С. Мережковского «Павел I» (проблема власти): Дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Петров. – М.: МПГУ, 1999. – 257 с.

13. Петров, А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века / А. В. Петров. – Монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 272 с.

14. Петров, А. В. Поэтика надписей М. В. Ломоносова на новогоднюю иллюминацию / А. В. Петров // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». – 2005. – № 1. – С. 66–75.

15. Петров, А. В. Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра: монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 218 с.

16. Петров, А. В. Эпиталамические циклы в поэзии Г. Р. Державина 1790-х годов / А. В. Петров // Libri Magistri. – 2015. –

Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерение. – С. 26–41.

17. Петров, А. В. «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов) / А. В. Петров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 342–346.

18. Погосян, Е. «И невозможное возможно»: свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры / Е. Погосян. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/502913.html>

19. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2. Кн. 5–8 / И. Сахаров. – СПб.: [б. и.], 1849.

20. Скворцова, М. Л. Творчество И. К. Готшета в контексте раннего немецкого Просвещения: дисс. ... канд. филол. наук / М. Л. Скворцова. – Магнитогорск, 2004. – 194 с.

21. Уортман, Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. – М.: ОГИ, 2002. – Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.

22. Цуркан В. В. Концепт «Игра» в творчестве А. Битова 1960–70-х гг. / В. В. Цуркан // Libri Magistri. – Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерение. – 2015. – С. 168–173.

23. Цуркан В. В. Особенности репрезентации концепта «Пьянство» в русской литературе последней трети XX века // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2016. – Т. 2. – № 10. – С. 63–64.

24. Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning / T. E. Abramzon, T. B. Zaitseva, N. A. Kozko, S. V. Rudakova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings. – 2016. – P. 651–658.

PETERSBURG WEDDING AND FESTIVE CULTURE
OF THE 1720TH BY THE GERMAN'S EYES
(ON MATERIAL OF «THE DIARY OF F. W. VON BERGHOLTZ»)

A. V. Petrov, M. L. Skvortsova

Abstract

In article the fragment of «the festive text» of the Russian court culture of the 1720th – the weddings of the Russian noblemen described in the diary of the Holstein nobleman F. W. von Bergholtz is considered. «An idea» of a holiday of wedding in relation to ancient wedding rituals and new secular culture of Petrine Russia is analyzed from a position of an imagology.

Key words: Friedrich Wilhelm von Bergholtz, Peter I, diary genre, imagology, wedding ceremony, festive culture, carnival